

ПРИЛОЖЕНІЕ
къ № 21-му
Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.
СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Письмо отъ учительницы Разсолинской цер.-прих. школы
Преосвященному Макарію, Епископу Томскому.

Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Епископу
нашему Макарію.

Желаемъ много лѣтъ здравствовать со всею Богохранимою
паствою. Еще разъ осмѣливаюсь Васъ поблагодарить, Ваше
Преосвященство, за посланныя Вами книги: „Женскій трудъ“ и
прочія духовно-нравственныя книги, которыя употребляю на
каждомъ чтеніи для народа. Въ теченіи учебнаго года съ 1-го
сентября по 15-е мая прочитано 260 статей; произведено 36 бе-
сѣдъ въ Разсолинской школѣ. Статьи сопровождались пѣніемъ
молитвъ и „Лепты“. Въ воскресные и праздничные дни уче-
ники и ученицы, окончившіе курсъ въ Разсолинской церковно-
приходской школѣ, приходятъ въ читальню. Въ школѣ имѣется
бесплатная библіотека для любителей чтенія.

Учительница *Евгенія Босалаева.*

Письмо отъ нижнихъ чиновъ Томской губ., Преосвященному
Макарію, Епископу Томскому.

Просимъ Вашего благословенія и благодаримъ сердечно за
Ваше благословеніе и за листки проповѣди Вашего Преосвя-

щенства. Эти листки прочитали солдаты не только Томской губ. но и прочих губерний, радуются этимъ листкамъ и благодарятъ Васъ, Ваше Преосвященство. Еще проситъ Вашего благословенія штабъ-капитанъ Прунтовъ, они находятся въ настоящее время на станціи Ташачава. Еще просимъ Ваше Преосвященство: помолитесь за насъ грѣшныхъ Богу, чтобы Господь помиловалъ насъ отъ коварнаго врага. Пока остаемся живы и здоровы.

Писалъ Федоръ Паутовъ, изъ крестьянъ села Таурака Бійскаго уѣзда Томской губерніи.

Г. Ляоля

24 іюня 1904 г.

Письмо Ректору Томской Духовной Семинаріи.

Отъ сердца благодарю Васъ о, ректоръ за дозволеніе почитать для меня интересную и важную книжку: я чувствую, что сія книга, мною прочитанная, принесетъ душѣ значительную пользу.

Передаю вамъ, о, ректоръ, свою трудовую ленту на Красный Крестъ; пусть сотрутъ ею хоть капельку слезъ войны.

Швейцаръ Томской Духовной Семинаріи

Иосифъ Мамоть.

18 октября 1904 г.

На Дальній Востокъ. На дняхъ изъ Самары мѣстнымъ управленіемъ Краснаго Креста отправленъ въ Никольскъ-Усеурійскъ для больныхъ и раненыхъ самарскаго отряда транспортъ вещей, состоящій изъ бѣлья, валенокъ, теплыхъ чулокъ и теплыхъ рубахъ. Часть этихъ вещей пожертвована въ натурѣ, часть заготовлена изъ пожертвованныхъ матеріаловъ или была приобретена на пожертвованные деньги; большинство предметовъ бѣлья достигаетъ количества 500.

Поѣздъ съ больными и ранеными 6 октября въ 6 ч. вечера черезъ Самару послѣдовалъ въ Москву съ Дальняго Востока поѣздъ съ больными и ранеными, изъ которыхъ 7 чел. были

приняты въ Самарѣ и помѣщены въ Пѣшановскую больницу. Въ Москву отправились остальные 134 человека. Часть изъ этихъ больныхъ (30 ч.)—душевно-больные, среди которыхъ были 4 офицера. Нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ имѣли знаки отличія военного ордена, нѣкоторые-же эвакуированы за болѣзью изъ харбинскихъ госпиталей. Душевно-больные были помѣщены въ приспособленномъ для того вагонѣ, офицеры-же ѣхали въ вагонѣ I класса и кромѣ сильнаго утомленія отъ нервныхъ потрясеній въ нихъ не замѣчалось. Поездъ встрѣчала масса публики, среди которой было много воспитанницъ 2-й женской гимназій, которыя, съ разрѣшенія г-жи начальницы и коменданта поезда роздали больнымъ много фруктовъ и разныхъ мелкихъ подарковъ. Нѣкоторые изъ больныхъ нижнихъ чиновъ просили у посѣщающихъ вагоны „газету“ или „телеграмку“ и живо интересовались происходящимъ на театрѣ войны, съ жадностью выслушивая послѣднія вѣсти оттуда.

Генераль Цурлиндень о генераль Куропаткинѣ. Въ „Gaulois“ генераль Цурлиндень съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ, что русскіе не подготовились къ войнѣ съ Япоціей, но признаетъ, что всѣ распоряженія генерала Куропаткина послѣ неожиданнаго нападенія японцевъ были вполне целесообразны.

Надо было выиграть время, не дать врагу опомниться, избѣжать рѣшительныхъ сраженій, не истощать военныхъ силъ русскихъ до прибытія подкрѣпленій и того момента, когда возможно будетъ перейти въ наступленіе. Успѣхъ этого плана теперь, кажется, несомнѣннымъ. Генераль Куропаткинъ умѣлъ до сихъ поръ „притупить“ всѣ усилія японскаго военнаго штаба“, пишетъ генераль Цурлиндень. Генераль Куропаткинъ, несмотря на свою осмотрительность, сумѣетъ во-время остановиться и не повторитъ ошибки Фабія въ войнѣ съ Ганнибаломъ. Уже при Ляоянѣ русскій главнокомандующій держалъ наготовѣ сильныя резервы, чтобы въ нужную минуту перейти въ наступленіе. Будущее обѣщаетъ намъ много неожиданностей. Положеніе русскихъ вышло къ лучшему, благодаря тѣмъ двумъ героямъ, имена которыхъ будутъ записаны рядомъ въ исторію—благодаря генералу Куропаткину и генералу Стесселю.

(Спеціальныя телеграммы столичныхъ газетъ).

ЛОНДОНЪ. „Standard,“ сообщаютъ изъ главной квартиры генерала Куроки, что первая японская маньчжурская армія понесла огромныя потери у Бенсиху, причѣмъ одно время положеніе арміи было до-нельзя критическое: отряды были почти окружены русскими, когда вдругъ русскіе, совершенно неожиданно для японцевъ, прекратили наступленіе. („Бирж. Вѣд.“)

ПАРИЖЪ. Поле сраженія въ настоящее время образуетъ площадь въ сто верстъ, съ фронтомъ приблизительно такой же длины. Всѣ деревни, расположенныя къ югу отъ Мукдена, превращены въ развалины. Японцы истребляютъ мѣстное китайское населеніе, дабы, такимъ образомъ, предотвратить шіоновъ. („Бирж. Вѣд.“)

ЧИФУ. Въ Токио, какъ телеграфируютъ сюда, появился императорскій приказъ, призывающій подъ знамена резервы двухъ новыхъ классовъ. Это мѣропріятіе должно явиться отвѣтомъ на формированіе нашей второй маньчжурской арміи.

МУКДЕНЪ. Немировичъ Данченко, въ описаніяхъ подробностей Янтайскаго сраженія, отмѣчаетъ, что плѣнныхъ было мало, потому что штыковая работа слишкомъ ожесточаетъ солдатъ, а во-вторыхъ, пощаженные японцы, когда наши проходили мимо, стрѣляли въ нихъ. Были эпизоды, когда раненыхъ уносили наши съ поля битвы, а одного эвакуировали японецъ и трое нашихъ солдатъ. Въ свою очередь, въ большой фанзѣ японцы оставили русскимъ раненымъ консервы, перевязали ихъ и сообщили:—„Скоро придутъ ваши и унесутъ васъ отсюда“. Въ грудахъ убитыхъ то и дѣло встрѣчаются схватившіеся враги, которыхъ смерть застала въ этомъ положеніи. Судя по трупамъ японцевъ, всѣ они прекрасно одѣты и обуты; многіе даже въ шубахъ; при нихъ много съѣстныхъ припасовъ: на рукахъ у унтеръ-офицеровъ браслеты съ компасами. Въ бою 3-го октября выдающуюся роль игралъ тридцать шестой полкъ со своимъ командиромъ Быковымъ. Въ то время, какъ девятнадцатый съ другими брали сопку съ фронта и съ запада, съ востока дѣйствовалъ тридцать шестой. Въ Сандзянтанѣ онъ получилъ

приказаніе двинуться на Шахетунь, гдѣ взять двѣ роты ней-шлотцевъ и съ ними атаковать японцевъ. Ротъ этихъ онъ не засталъ и, не ожидая ихъ, перешелъ рѣку у Сахетуни, сложилъ тамъ амуницію, собравъ только полотнища палатокъ для переноса раненыхъ и двинулся на Лядзятунь. Тамъ былъ настоящій адъ. Японцы сидѣли и въ домахъ и траншеяхъ. Выбивъ ихъ оттуда безъ выстрѣла, Быковъ въ 5 час. 45 мин. вступилъ въ связь съ Путиловымъ, который съ другой стороны велъ двадцатый полкъ. Наканунѣ полкъ испыталъ неудачу и теперь хотѣлъ ее загладить. Не было остальныхъ, солдаты шли за командиромъ налѣво, забирая въ тылъ горы, чтобы ударить оттуда, когда другіе будутъ бить японцевъ съ фронта. Ружейный огонь противника былъ ужасенъ и замѣчательнъ по наблюдательности стрѣлявшихъ: онъ всюду находилъ нашихъ, куда бы они ни всходили, какъ бы ни маневрировали. Полкъ безостановочно, стремительно, не отвѣчая на огонь, шелъ на крутизну, безъ „ура“ вскочилъ въ первый окопъ. „Ваше высокоблагородіе, мертвые лежатъ“,—крикнули солдаты. Дѣйствительно, японцы притворились неподвижными, но при первыхъ ударахъ вскочили, бросились на колѣна и просили пощады, складывая руки какъ на молитву. Отъ этого окопа къ вышешему шли точно ступени. Тамъ загорѣлся минутный штыковой бой, такъ какъ японцы не были, подобно первымъ, застигнуты врасплохъ, а успѣли примкнуть штыки. Тутъ много погибло нашихъ, но оставивъ позади уже мертвую траншею, 36-й полкъ пошелъ впередъ, Взаимное раздраженіе было такъ велико, что раненые грызли другъ друга, части тутъ перемѣшались, откуда-то послышались выстрѣлы, оказалась ошибка: наши вильманстрандцы остановили ихъ, а сами все впередъ и впередъ. На вершинѣ—дерево и по гребню—длинный окопъ; его охватили съ двухъ сторонъ и бросились въ штыки; тутъ было труднѣе всего: противникъ защищался отчаянно, стрѣлялъ въ упоръ, рѣзалъ своими ножами, замѣняющими наши штыки. Слышался отвратительный хрустъ, точно сѣкли мясо. Люди валились ужасно. Безмолвный глухой бой въ штыки былъ ужасенъ, участники его и сейчасъ вспоминаютъ съ нервной дрожью. У сол-

дать вырвалась наружу вся ненависть, накопившаяся за долгие неудачи, отступления, голодовки, усталая бессонная ночь. Тутъ было перебито пятьсотъ японцевъ, остальные успѣли бѣжать съ дикими воплями, будившими окрестности. Быковъ получалъ пулевую и штыковую раны въ ноги, но не оставилъ своихъ солдатъ. Кончили съ этимъ окопомъ, вдругъ—по нимъ огонь. Оказалось, опять свои, едва таки успокоили. Подошли ближе, вновь узнали вильманстрандцевъ. Тутъ Быковъ расположилъ четвертую роту съ капитаномъ Багдасаровымъ въ самомъ опасномъ пунктѣ. Она тотчасъ же окопалась. Въ восемь съ половиной часовъ часть людей сошла въ оврагъ, потому что начали по нимъ густо стрѣлять сзади.—„Свои или японцы?—крикнулъ Быковъ. „Послышалась: „Своя, своя“ и „русск, русск“, и сейчасъ же во флангъ и перекололи. Въ это время японцы уже густыми массами вновь двинулись въ атаку съ востока, наши удержались отъ такихъ атакъ,—ихъ было четыре,—при чемъ японцы, желая обмануть насъ, кричали „ура“, выходящее у нихъ—„уры“, и играли нашъ сигналъ—„Въ колонну соберись“. Полкъ уже усталъ и, главное, потерялъ массу солдатъ; види, что японцы насѣдаютъ со свѣжими силами и могутъ одолѣть, Быковъ уже раненый, схватилъ знамя и крикнулъ, бросаясь въ сторону къ японцамъ: „Братцы, выручай знамя“. Вся винулась впередъ, японцы отошли и мы по нимъ открыли огонь. Полкъ у Быкова началъ таять, его разстрѣляли въ цѣломъ рядѣ атакъ, и ему пришлось отходить. Были роты въ двадцать человекъ съ выбитыми офицерами. Въ одну изъ атакъ, Быкову удалось собрать 80 солдатъ, его поддерживала только наша батарея, действовавшая великолѣпно по подступившему неприятелю. Видно было, какъ цѣлая площадь въ его густыхъ колоннахъ выхватывало нашими шрапнелями; къ счастью, въ эту критическую минуту подошли другіе полки, подошелъ и 36-й, и онъ могъ удержаться, иначе ему пришлось бы отступить.

Солдаты наши, какъ только занята была гора, тотчасъ-же начали переобуваться въ японскую обувь. Съ полкомъ въ бою слѣдовало все время и не отставать китайца. Васька, вооруженный шашкой,—его переводчикъ.

Сегодня, 5 октября, бой у Сахену. Въ 11 ч. артиллерійскій бой достигъ высшаго напряженія. Въ три часа передъ дворомъ, занятымъ командующимъ арміей, выстроены отбитыя у японцевъ орудія. Вечеромъ на позиціяхъ—тишина. Потери не выяснены, но дни Шлевны блѣднѣютъ передъ этими сраженіями, продолжающимися по десяти дней, раскидывающимися на сорокъ верстъ, гдѣ трудно ориентироваться, при современномъ оружіи, дѣйствіе котораго поистинѣ страшно, при безконечныхъ маневрированіяхъ, гдѣ принимаютъ участіе съ обѣихъ сторонъ болѣе полумилліонъ людей. Никогда ужасы войны не были такъ чудовищны, и сама она столь непривлекательна, безпощадна. Никогда, потери не были такъ колоссальны, безжалостны, безвозвратны (Рус. Сл.).

Судьба бѣднаго ослика ¹⁾.

Рассказъ Пауль-Карпантье.

Переводъ съ французскаго С. А. Чернобаевой.

— Генрихъ, Луиза, Эмиль и всѣ вы, послушныя дѣти, вотъ рассказъ, который я вамъ обѣщала:

ДВА БАРАБАНА.

По улицѣ проходилъ полкъ солдатъ, развѣвались флаги, пятнадцать барабановъ такъ отбивали маршъ, что во всѣхъ окнахъ дрожали даже ставни. Толпа веселыхъ дѣтей сопровождала солдатъ. Маленькій Евгенийъ смотрѣлъ на нихъ съ балкона, а на улицѣ, противъ него, хитрый Петръ разглядывалъ солдатъ, стоя на порогѣ лавочки, гдѣ его отецъ починялъ старые сапоги.

Это движеніе и шумъ привели обохъ мальчиковъ въ такой восторгъ, что, какъ только солдаты прошли, каждый изъ дѣтей бросился на шею къ своей матери говоря:

¹⁾ Журналь „Замѣта Жилотничья“, сентябрь, № 9, за 1904 г. Статья предназначена для юныхъ читателей—школьниковъ. Редакція исполняетъ желаніе добраго начальника, руководящаго питомникомъ дѣтей, духовныхъ.

— Мама, я хочу барабанъ! Прошу тебя, мамочка, дай мнѣ барабанъ!

— Сейчасъ, милый мальчикъ,— сказала Евгенію мать и послала няню купить барабанъ.

— У меня нѣтъ его, мой бѣдный мальчикъ,— отвѣтила мать Петра: и я не могу его купить; ты это знаешь,—вѣдь мы бѣдны..

— Ну, хорошо,—сказалъ Петръ, тогда дай мнѣ старое деревянное ведро, у котораго нѣтъ ни дна, ни ручки; дай мнѣ еще листъ бумаги и веревку, и я сдѣлаю самъ себѣ барабанъ.

— Возьми,—сказала мать.

Петръ подпрыгнулъ отъ радости и взялся за работу. Онъ натянулъ бумагу на одно изъ отверстій ведра, какъ дѣлають чтобы закрыть банку съ вареньемъ, разгладилъ бумагу кругомъ и обвязалъ ее веревкой.

Изъ ивовой сухой вѣтки, сломанной пополамъ, онъ сдѣлалъ двѣ барабанныя палки и въ восторгѣ повѣсилъ барабанъ себѣ на шею.

Въ это время Евгеній, довольный, что ему купили игрушку, которую онъ желалъ имѣть, вышелъ на балконъ и билъ по барабану такъ, чтобы услышалъ Петръ. Но Петръ, еще болѣе довольный, что самъ смастерилъ свою игрушку, говорилъ снизу Евгенію:

— Подожди, подожди! ты тоже у меня услышишь!

И начинаетъ бить по своему барабану.

Но съ первымъ же ударомъ бумага прорывается, и бѣдный мальчикъ, только что такой веселый, заплакалъ.

— Мама,—говорить добрый Евгеній, который былъ свидѣтелемъ несчастія сосѣда,—позволь отнести ему красивый барабанъ, который ты мнѣ подарила.

— Онъ принадлежитъ тебѣ, милый, — отвѣтила мать, — дѣлай то, что тебѣ подскажетъ твое доброе сердце.

Получивъ разрѣшеніе, Евгенийъ спустился по лѣстницѣ, перешелъ черезъ дорогу и, подбѣжавъ къ плачущему Петру, воскликнулъ:

— Возьми, возьми мой барабанъ и не плачь, — онъ твой, я отдаю его тебѣ.

Затѣмъ, крѣпко поцѣловавъ малютку, онъ поднялся къ себѣ такъ быстро, что Петръ даже не успѣлъ его поблагодарить.

У Евгения не было больше игрушки, но онъ слышалъ, какъ Петръ весело билъ цѣлый день въ подаренный ему барабанъ, и это дѣлало его такимъ счастливымъ, что онъ не только ни о чемъ не жалѣлъ, но, наоборотъ, чувствовалъ себя счастливымъ вдвойнѣ: за себя и за Петра, котораго онъ утѣшилъ.

— Скажи, мама, спросила Луиза, — почему барабанъ Петра такъ быстро прорвался, между тѣмъ, какъ тотъ, который ему далъ Евгенийъ, оставался цѣлъ?

— Оттого, что на первомъ была натянута бумага, — отвѣтила мать, — а на барабанѣ Евгения какъ на солдатскихъ барабанахъ, большихъ барабанахъ музыкантовъ и бубнахъ, была натянута ослиная кожа.

— Ослиная кожа! — воскликнулъ удивленный Генрихъ. — Развѣ ослиная кожа! — годна для чего-нибудь?

— Да, конечно! Очистивъ ее отъ жира, сдѣлавши болѣе тонкой, отполировавъ пемзой, изъ нея готовятъ пергаментъ и кожу для барабановъ; дубленая, какъ лошадиная или бычачья кожа, она употребляется для обуви и конской сбруи. Волось идетъ на хомуты; кости осла, которыя тоньше бычачьихъ и лошадиныхъ, служатъ для приготовленія ручекъ для зонтиковъ, ножей и разныхъ другихъ мелкихъ вещей. Копыта, резмягченныя и обработанныя, употребляются для гребней и табакерокъ. На-

конецъ записная книжка, въ которой ты рисуешь карандашомъ людей и затѣмъ такъ легко ихъ стираешь, тоже сдѣланы изъ ослиной кожи.

— Я думалъ,—сказалъ Генрихъ,—что ослы служатъ только для того, чтобы давать молоко, какъ тѣ, которыхъ мы видимъ каждый день.

— Ты хочешь сказать—ослицы, дорогой мой: дѣйствительно, владѣльцы ослицъ водятъ ихъ утромъ и вечеромъ къ тѣмъ, которые страдаютъ грудными болѣзнями, и которыхъ молоко ослицъ освѣжаетъ. Иногда, къ несчастью, погонщики заставляютъ ихъ бѣжать, чтобы притти скорѣе, и больные получаютъ тогда взволнованное и разгоряченное молоко, которое не такъ цѣлительно.

— Кромѣ того,—подтверждаетъ Луиза,—эта бѣготня утомляетъ красиваго ослика, который приходитъ сюда со своей матерью. Видѣла ты, мама, какъ ему привязали къ мордочкѣ гадкой кусокъ кожи, весь покрытый звездами затѣмъ это?

— Это для того, чтобы онъ не могъ пить молоко ослицы, которое продается очень дорого. Какъ только осликъ захочетъ пить молоко, концы звездъ колютъ ослицу, которая, несмотря на то, что очень любитъ своего маленькаго, тотчасъ же его отгоняетъ, такъ что бѣдный осликъ лишентъ одновременно ласки матери и пищи, предназначенной ему Богомъ.

— Бѣдненькій!—сказалъ печально Эмиль, онъ очень несчастливъ.

— Да, но это не единственное несчастье, которое его ожидаетъ; какъ бы оселъ ни былъ покоренъ и услужливъ, какіе бы у него ни были драгоценныя качества, всю жизнь ему приходится только страдать. И я знала одного, который испыталъ даже много мученій.

— О! разскажи намъ его исторію, дорогая мамочка!

— Она очень печальная. Еще будучи совсѣмъ маленькимъ,

осликъ, бѣдный Мартынь (ему дали это имя), былъ лишь въ мо-
лока своей матери, какъ тотъ котораго вы видѣли. Онъ былъ
очень хорошей породы. Его ближайшіе родственники были изъ
одной мѣстности во Франціи, подъ названіемъ Мирбо. Ослы изъ
этого городка самые лучшіе во всей Европѣ; ихъ продаютъ очень
дорого. Дѣдъ Мартына былъ кулентъ за 3500 франковъ, т. е.
приблизительно второе дороже одной лошади.

А между тѣмъ осель некрасивъ, если его сравнить съ ло-
шадью. — у него такія длинныя уши! Затѣмъ, такъ какъ его ни-
когда не чистятъ скребницей, то его шкура шерсть всегда грязна
и спутана. Надо также затѣтить, что у осла бываютъ иногда
довольно странные поступки; но маленькіе ослики красивы, гра-
циозны, а Мартынь былъ, кажется, самый хорошенькій изъ ос-
ликовъ.

Едва ему исполнилось два года, какъ хозяинъ продалъ его
сосѣднему крестьянину, у котораго была только одна лошадь,
чтобы пахать поле.

Крестьянинъ, человекъ заботливый, повелъ прежде всего мо-
лодого осла къ кузнецу и велѣлъ подковать ему ноги, какъ это
дѣлаютъ лошадямъ, чтобы во время ходьбы и работы имъ не бы-
ло больно.

— Какъ, мама, — спросила Луиза, — развѣ подковы, которыя
прикрѣпляются къ ногамъ животныхъ большими гвоздями, не дѣ-
лаютъ имъ больно?

— Нѣтъ, дорогая — гвозди входятъ, не задѣвъ мяса, въ ко-
пыто, которое нечувствительно, и это не заставляетъ животное стра-
дать, точно также, какъ и ты не чувствуешь, когда тебѣ стри-
гутъ ногти. Ковка трудна только въ первый разъ, потому что
животное не знаетъ, что съ нимъ будутъ дѣлать, но потомъ оно
стоитъ спокойно.

Осель выказалъ прежде всего лучшія способности. Онъ былъ ласковъ и трудолюбивъ. Когда крестьянинъ запрягалъ его въ плугъ рядомъ съ лошадыю, онъ тянулъ съ утра до вечера съ такимъ усердіемъ, что работалъ столько же, сколько его компаніонъ. Между тѣмъ лошадь, будучи гораздо сильнѣе осла, очень уставала, слѣдуя за нимъ. Послѣ этой работы осель сдѣлался такимъ худымъ такимъ изнуреннымъ, что крестьянинъ увидѣлъ, что будетъ вынужденъ его продать, — иначе осель погибъ бы отъ истощенія.

По воскресеньямъ крестьянинъ давалъ Мартыну пастись на лугу, и осель, счастливый въ этотъ праздничный день, катался по травѣ и отдыхалъ, сколько могъ, отъ трудной работы за недѣлю. Затѣмъ, когда наставалъ часъ возвращенія въ конюшню, онъ звалъ своего хозяина, начиная кричать. Вы знаете крикъ осла?

— О, да, — отвѣтилъ Эмилій, они кричатъ: и-анъ, и-анъ и-анъ!

— Именно такъ, — подтвердила мать: и на этотъ зовъ нахаръ приходилъ за своимъ осломъ.

Однажды одинъ фокусникъ, проходя въ городъ, попросилъ ночлега у крестьянина, который согласился принять его къ себѣ.

Этотъ человекъ зарабатывалъ деньги, показывая разные фокусы. Онъ дѣлалъ такъ, что у него исчезали монеты и яйца тамъ, куда онъ ихъ клалъ, и появлялись совсѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

— Это было такъ же, какъ съ моей фокусной коробкой — воскликнулъ Генрихъ.

— Совершенно такъ, — отвѣтила мать.

— И ему давали денегъ за это? — спросилъ Генрихъ. — Но вѣдь это совсѣмъ ужъ не такая хитрость.

— Нѣтъ ничего проще, въ дѣйствительности; но неумные люди удивляются всему, и всегда ихъ кошелекъ платитъ за ихъ невежество.

Продолжаю. Фокусникъ, будучи и укрестьянина, услышалъ крикъ осла и слова самого крестьянина, который говорилъ жень: — „Ну, хозяйка, вотъ Мартынь зоветъ, уже шесть часовъ; приготовь намъ поѣсть, а я пойду за нимъ“.

Фокусникъ удивился, что осель знаетъ часы, а хозяйка рассказала про Мартына многое, что доказывало его смышленность. Такъ, напримѣръ, когда дороги были плохи, Мартынь, который не любилъ погружать ноги въ грязь, прыгалъ въ полѣ по тропинкѣ пѣшеходовъ. Какъ ни хотѣли ему помѣшать, даже били его, но все было напрасно. Онъ былъ упрямъ, какъ всѣ ослы, и не смотря ни на что, шелъ по протоптанной тропинкѣ, которая ему очень нравилась. Но онъ не трогалъ ни одной травки въ поляхъ, не причинялъ никакого вреда, а спокойно шелъ своей дорогой, не сворачивая ни налѣво ни направо.

— „Къ несчастью, сказала хозяйка, бѣдный осленокъ не такъ силенъ, чтобы пахать, и хозяину придется, къ сожалѣнiю, съ нимъ разстаться“.

— „Продайте мнѣ его,—предложилъ фокусникъ: такъ какъ онъ молодъ и смышленъ, то я постараюсь сдѣлать изъ него что-нибудь“.

— „Вы поговорите объ этомъ съ мужемъ,—сказала хозяйка,—вотъ, кстати, онъ возвращается со своимъ осломъ“.

Фокусникъ нашелъ осла подходящимъ для себя, условился въ цѣнѣ и на слѣдующій день увелъ Мартына, мечтая, что сдѣлаетъ изъ него ученаго осла.

● — Ученаго осла!—возразилъ Эмилій,—но отчего же говорить про дѣтей, которыя не хотятъ ничему учиться, что они невежественны, какъ ослы!

— Это несправедливо, — отвѣтила мать; и, дѣйствительно, во многомъ люди несправедливы къ ослу. Такъ какъ онъ ничего не дѣлаетъ на показъ, какъ лошадь, то и забываютъ, что у него больше хорошихъ качествъ, чѣмъ у лошади. Такъ какъ онъ скромнень и нетребователенъ въ пищу, то его унижаютъ, имъ пренебрегаютъ, съ нимъ обходятся плохо, къ нему неблагодарны за все его услуги. Между тѣмъ извѣстно, что онъ вообще очень смысленъ, и его легко можно дрессировать, какъ и другихъ животныхъ, если потрудиться надъ этимъ. Вотъ и доказательство этого: осель, не склонный отъ природы показывать какіе-нибудь фокусы, научился у фокусника показывать, по извѣстному знаку, часы, день или мѣсяцъ, дѣлая ногой опредѣленное число ударовъ, а также научился вѣть за столомъ съ салфеткой на шеѣ и дергать зубами веревку звонка, чтобы подавали кушанье. Фокусникъ научилъ его еще указывать среди множества народу самого умнаго, самого злого или самого щедрого. Все это заставляло сильно смѣяться публику, собиравшуюся вокругъ фокусника, и много денегъ падало на коверъ, разостланный на серединѣ площади.

— Однако, замѣтилъ Генрихъ, — если осель, какъ ты говоришь, совсѣмъ не склоненъ къ такимъ фокусамъ, то какимъ же образомъ фокусникъ могъ его научить всему этому?

— Къ сожалѣнію, это дѣлалось съ большой жестокостью: осла били, лишали пищи, сна, усиливая наказаніе, когда онъ не понималъ, вмѣсто того, чтобы относиться къ нему ласково и ободрить его.

— Можетъ быть, — сказала Гренихъ, — фокусникъ думалъ, что когда осла бьютъ, онъ становится послушнѣе.

— Конечно, такъ; но онъ ошибался. Въ Россіи есть почтовые лошади, которыя бѣгаютъ по дѣлу съ необыкновенной быстротой и не нуждаются для этого ни въ хлыстѣ, ни въ налкѣ. Ямщикъ, сидя на козлахъ, управляетъ лошадьми, говоря съ ни-

ми: и онъ, привыкши къ хорошему обхожденію, ѣдутъ, останавливаются, скачутъ, задыхаясь при одномъ окрикѣ хозяина, который ихъ любитъ.

— Бѣдный Мартынь, — сказала Луиза, думая объ ослѣ, — мнѣ его очень жаль...

— Впослѣдствіи онъ сдѣлался еще болѣе достойнымъ жалости, — продолжала мать. Однажды фокусникъ, приходя черезъ какой-то городъ, остановился на площади, гдѣ одинъ изъ любопытныхъ, пораженный умомъ осла, находитъ болѣе удобнымъ зарабатывать деньги, заставляя трудиться осла, чѣмъ своимъ собственнымъ трудомъ, вздумалъ купить осла.

Фокусникъ, находитъ этотъ случай прекраснымъ и мечтая о дрессировкѣ другого осла, продалъ ему осла очень дорого, и бѣдняга попалъ въ руки новаго хозяина.

Но послѣдній не предполагалъ, что вся способность животнаго заключалась въ послушаніи знакамъ, которые ему дѣлалъ фокусникъ; и когда онъ приказалъ что-то ослу, тотъ, не видя знаковъ не двинулся съ мѣста.

А новый хозяинъ Мартына, наказанный сразу за свое невѣжество, лѣнь и корыстолюбіе, пришелъ въ ярость, видя, какую безмысленную покунку онъ сдѣлалъ, бросился на бѣдное животное, билъ его неистово, чтобы выместить на ослѣ свою собственную глупость. Затѣмъ, не зная что съ нимъ дѣлать, чтобы вернуть ту сумму, за которую купилъ осла, онъ надѣлъ на него узду и сѣдло и сталъ отдавать въ наемъ пріѣзжавшимъ изъ Парижа.

Къ несчастью, были пріѣзжіе, которые, будучи такими же жестокими, какъ и хозяинъ осла, доставляли себѣ огромное удовольствіе, колотя его при всякомъ удобномъ случаѣ. Оселъ ходитъ довольно быстро, и въ одной мѣстности даже развозили почту на ослахъ. Но, конечно, Мартынь не могъ евакать, какъ лошадь, поэтому его били.

Пророкъ Валаамъ, какъ вы это знаете, отправился въ станъ Моавитянъ на ослицѣ. Также Святое Семейство спасалось бѣгствомъ въ Египетъ на ослѣ. Наконецъ, Самъ Иисусъ Христосъ за нѣсколько дней до Своихъ крестныхъ страданій вѣзжалъ въ Иерусалимъ на осленкѣ, и, можетъ быть, Онъ выбралъ осла за его кротость, смиреніе и терпѣнье. Но люди мало признають эти достоинства, и такъ какъ оселъ не столь красивъ, какъ лошадь, то надъ бѣдными ослами смѣются и бьютъ ихъ немилосердно.

Такая грубость испортила и характеръ Мартына. Понукаемый со злостью, онъ тоже сдѣлался злымъ. Онъ началъ мстить: сталъ кусаться и бить ногами. Когда всадникъ его мучилъ, оселъ прыгалъ и старался сбросить его на землю. Если онъ такимъ образомъ ничего не достигалъ, то вдругъ опускался на переднія ноги, затѣмъ валялся на спинѣ, и тогда всадникъ могъ считать себя счастливымъ, если ему удавалось во время прыгнуть съ сѣдла.

Наконецъ, на Мартына было такъ опасно садиться, что его никто уже не бралъ, и хозяинъ былъ принужденъ его перепродать.

— Я сдѣлаю съ нимъ что-нибудь,—сказалъ старый мельникъ, продайте мнѣ дешево этого осленка: я его силой заставлю повиноваться.

— Ахъ,—сказалъ Генрихъ,—злой мельникъ будетъ еще бить бѣднаго осла.

— Не только онъ его билъ, но еще заставлялъ таскать огромныя тяжести. Въ деревнѣ мельники проходятъ иногда нѣсколько миль, чтобы собрать мѣшки съ зернами,—размалываютъ и затѣмъ возвращаютъ въ видѣ муки. Они употребляютъ для этого муловъ и даже лошадей. Итакъ, это была ужасная работа, мельникъ навьючивалъ на спину осла два или три мѣшка съ зернами. Хребетъ бѣднаго Мартына сгибался, какъ дуга, дрожація ноги съ трудомъ держали его, но, и не думая о жалости, жестокой мельникъ садился самъ поперехъ ноши, и безъ того

тяжелой, и покуривая свою трубку, билъ осла палкой, чтобы онъ двигался скорѣе.

Однажды несчастное животное, задыхаясь, упало подъ своей пошей. Хозяинъ принужденъ былъ его разнуздать, чтобы онъ всталъ; ноги осла были исцарапаны, бока его вздувались, кровь лила изъ ноздрей... Мельникъ увидѣлъ, что осель близокъ къ смерти.

— Только этого не доставало!—сказалъ онъ:—это животное мнѣ стоило такъ дорого... Ну, я дамъ, ему отдохнуть нѣсколько дней, а затѣмъ поведу его на рынокъ. Можетъ быть, удастся продать его хотя бы ради его шкуры.

Онъ, дѣйствительно, повелъ осла на рынокъ, но бѣдный Мартинъ былъ такъ худъ и слабъ, что никто не хотѣлъ его купить. Къ тому же, онъ состарѣлся, по зубамъ уже нельзя было узнать его годы, и благодаря этому онъ казался еще старше.

Мельникъ уже думалъ, что ему придется вернуться съ осломъ, какъ вдругъ подошелъ бѣдный шарманщикъ и сталъ съ нимъ торговаться.

— Сколько стоитъ осель?—спросилъ онъ.

— Двадцать пять франковъ,—отвѣтилъ мельникъ.

— Онъ не стоитъ этого,—сказалъ одинъ прохожій,—ему и жить-то осталось дня два.

— Хотите пятнадцать франковъ?—предложилъ шарманщикъ.

— Хорошо!—сказалъ торопливо мельникъ.

Шарманщикъ, заливъ деньги, увелъ осла и тотчасъ запрегъ его въ маленькую телѣжку, на которой онъ возилъ своихъ дѣтей и ничтожное имущество.

Пятнадцать франковъ! Осель, дѣдъ котораго былъ проданъ за 3500 франковъ! Вотъ результатъ невѣжества и грубости.

Съ этого дня бѣдный Мартинъ сталъ почти счастливымъ; легко было возить маленькую телѣжку, не имѣя никакихъ тя-

жестей на спияѣ. Затѣмъ шарманщикъ, самъ не мало пострадавшій отъ усталости, голода и болѣзней, былъ очень чувствителенъ къ страданіямъ, которыя испытывалъ бѣдный осель, и потому очень его берегъ. У шарманщика не было ни сѣна, ни пастбища, но онъ давалъ ослу пастись вдоль дороги, и такъ какъ осель такъ же умѣренъ въ своей пицѣ, какъ и выносливъ въ работѣ, то его удовлетворяетъ самый твердый чертополохъ или пучекъ травы. Ему нужна была только чистая вода, онъ скорѣе былъ готовъ страдать отъ жажды, чѣмъ пить испорченную или грязную воду.

Иногда, когда день былъ благопріятный для бѣдныхъ музыкантовъ, каждый изъ нихъ давалъ ослу по кусочку хлѣба, и это было настоящимъ счастьемъ для всей бѣдной семьи, которая любила стараго Мартына, какъ друга.

Осла больше не обижали, наоборотъ, — дѣти заботились о немъ, ласкали бѣдное животное, такъ что онъ вновь сдѣлался такимъ же добрымъ, какимъ былъ когда-то въ молодости. Когда было очень холодно и приходилось ночевать въ какой-нибудь ригѣ, семья и осель лежали на той же соломѣ, чтобы вмѣстѣ согрѣться.

Видите, дѣти, ничто такъ не привязываетъ человѣка къ своему ближнему или животному, какъ общее несчастье.

Наконецъ, бѣдный Мартынъ околѣлъ, хотя ему было только двадцать лѣтъ, а ослы вообще могутъ жить до тридцати. Но они такъ несчастны, что почти всѣ умираютъ раньше времени.

— Почему же, мама, — воскликнулъ Генрихъ, — не наказываютъ злыхъ, которые пользуются трудами животныхъ, а обращаются съ ними плохо?

— Да, почему? — спросили всѣ дѣти сразу.

— Такъ надо было бы и такъ было у древнихъ народовъ, у

которыхъ существовали наказанія за неблагодарность къ животнымъ. Это дѣлается и теперь у нашихъ соотечественниковъ — англичанъ и у насъ во Франціи, гдѣ законъ Грамона запрещаетъ жестоко относиться къ животнымъ.

Между тѣмъ, дѣти, вотъ о чемъ спрошу я васъ. Если бы все люди, будучи еще дѣтьми, какъ вы, привыкли любить Бога, себя равныхъ и низшихъ, понимать все свои обязанности, сострадать несчастнымъ и быть справедливыми, — думаете ли вы, что тогда нужно было бы придумывать какія-либо наказанія за жестокое обращеніе съ животными? Какъ вамъ кажется?

Отъ редакціи. Редакція убѣдительно проситъ всехъ священниковъ выдавать для чтенія народу и дѣтямъ (что имъ пригодно) „Приложенія къ Том. Еп. Вѣд., которыя для сей цѣли и составляются и посему непереплетаются вмѣстѣ съ Том. Еп. Вѣд.

Редакторъ.